

Библиография

Татьяна Венедиктова

Институт мировой литературы по-гарвардски

(О Б З О Р)

Damrosch D. What Is World Literature?

Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. — XVI, 324 p. —
(Translation/Transnation). (Далее — I.)

Damrosch D. How to Read World Literature.

Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. — VIII, 139 p. —
(How to Study Literature). (Далее — II.)

Teaching World Literature / Ed. D. Damrosch [2009]. 3rd printing.

N.Y.: MLA, 2015. — VIII, 434 p. — (Options for Teaching). (Далее — III.)

World Literature in Theory / Ed. D. Damrosch.

Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. — VIII, 536 p. (Далее — IV.)

Одним образом мы представляем себе Карфаген, который знаем,
и другим — Александрию, которой не знаем.

Бл. Августин. О книге Бытия, буквально (Кн. 12. Гл. 6)

За последние двести лет этот проект возобновлялся не раз — и всякий раз в новом контексте. Вначале был 77-летний Гёте, который в 1827 г. поделился с Эккерманом мечтой о транснациональной, трансистоической симфонии литературных талантов: задачу интеллектуалов он видел во всемерном приближении «века мировой литературы», уже маячившего на горизонте. В XX в. эту гуманистическую задачу так или иначе имели в виду и писатели (такие, как Р. Тагор и Х.Л. Борхес), и литературоведы-компаративисты (такие, как австриец Г. Мельцль (Hugo von Meltzl) и француз Р. Этьямбль), и политики, идеологи, культуртрегеры, делавшие ставку на

расширенные версии культурного национализма (Чжэн Чжэньдо в Китае, Н. Саркози во Франции и немало еще иных)¹. Бывали моменты, когда задача казалась *уже почти* решенной, если не вообще, то хотя бы в рамках филологии: «Наша филологическая родина — это Земля, — констатировал Э. Ауэрбах в 1952 г., — ею больше не может быть нация»².

Вначале был также молодой Маркс, описавший (в «Манифесте Коммунистической партии») тот же процесс, что и Гёте, но в ином ключе — как обусловленный логикой социально-экономического развития. Он увидел, как неумолимыми усилиями производителей и торговцев повсюду рушатся «китайские стены»: однообразие, ограниченность, замкнутость становятся невозможны, нетерпимы, и как результат (побочный?) — «из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»³. Те же закономерности развития, что позволяют буржуазии завоевывать мир, пересоздавая его «по своему образу и подобию», в дальнейшей исторической перспективе должны содействовать формированию более гуманной, свободной от принуждения контактной среды. В это Маркс верил безусловно, и эта вера, уже в качестве официальной идеологии, легла в основу интернационалистских литературных проектов советского времени. Институт литературы им. А.М. Горького, приобретая в 1938 г. академический статус, был несчастливым образом переименован в Институт мировой литературы. Государственная поддержка сообщила научному проекту масштабность, но жестко «стреножила» методологический поиск, и издание, обещавшее стать его лучшим плодом и венцом — «История всемирной литературы» (1983—1994), — началось блестяще, а завершилось никак. Концепция этого многотомного издания, предполагавшая переоткрытие уже открытых Марксом объективных закономерностей социального развития — соотнесение литературных систем Древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени с рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формациями⁴, — дала сильнейший сбой на подступах к современности. Запланированные десять томов превратились в девять, потом в восемь: девятый том, посвященный литературе XX в. до Второй мировой войны, так и не вышел. С неожиданным распадом советского государства так же неожиданно иссякло в России течение мысли о всемирной литературе. Но тогда же возобновилось в другом месте и в другом русле.

Как раз около двух десятилетий назад идею всемирной литературы начали бурно обсуждать в западной гуманитарной науке — черпая энергию не в марксистской телеологии, а в (марксистской же!) чуткости к исторической изменчивости «базиса». Экономико-технологическое развитие делает глобализацию ощутимой все больше и даже на уровне повседневного опыта — как резкое усиление коммуникативных потоков, трансграничных обменных процессов, культурных в том числе.

С середины 1990-х гг. монографии, сборники статей, учебники и антологии, посвященные мировой литературе, стремительно множатся как в Америке, так и в Западной Европе. Поток публикаций отображает перестройку в университетских программах и, в свою очередь, ее стимулирует⁵. Если говорить об американской

1 Все упомянутые авторы представлены в сборнике «Мировая литература в теории» (IV).

2 Ауэрбах Э. Филология мировой литературы / Пер. с нем. А.В. Лызлова, Ю.В. Ивановой, П.В. Лещенко // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 138.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974. С. 29.

4 См. Введение главного редактора Г.П. Бердникова: История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 17.

5 В качестве примеров (наряду с рассматриваемыми в обзоре изданиями) можно привести сборники статей: Reading World Literature: Theory, History, Practice / Ed. S. La-wal. Austin: University of Texas Press, 1994; No Small World: Visions and Revisions of

академической среде, то этот новый ландшафт трудно представить без фигуры Дэвида Дэмроша — без его, по сути, миссионерской деятельности как организатора международных научных сетей и контактов⁶.

Главным достижением профессора Дэмроша на сегодня можно считать создание «гарвардского ИМЛИ» — Института мировой литературы. Задача института (как она сформулирована на его сайте) — сравнительное изучение литератур, расширенное количественно (за пределы европейского региона) и качественно: в фокусе внимания находятся не столько литературные тексты сами по себе, сколько осуществляемые их посредством «рефлексия и рефракция политических, экономических и религиозных сил, действующих в мире»⁷. Будучи административной единицей Гарвардского университета, институт в своей деятельности подчеркнута «номадичен»: даже его учреждение, а заодно и учреждение Ассоциации исследователей мировой литературы состоялись «на выезде», в Пекине, в 2011 г. С тех пор ежегодно проводятся летние школы — в Стамбуле (2012), Гарварде (2013), Гонконге (2014), Лиссабоне (2015), Гарварде (2016), Копенгагене (2017), Токио (2018), в работе которых участвуют организационно и финансово более полусотни аффилированных университетов и других учебных институций (в основном расположенных в Северной Америке, Европе и Китае).

Что касается четырех рецензируемых книг (из них две написаны Дэмрошем, а в двух других он выступает как редактор-составитель), то в целом они весьма представительны для гарвардского проекта. Будучи по-разному адресованы (студентам, педагогам, исследователям), все они отображают три важнейших измерения «мир-литературной» проблематики, а именно: ее гуманистическую мечтательность, связь

World Literature / Ed. M.Th. Carroll. Urbana: NCTE, 1996; Debating World Literature / Ed. Ch. Prendergast. L.; N.Y.: Verso, 2004. Важным стимулом к развитию дискуссии стала книга П. Казановы «Мировая республика литературы» (1999, рус. пер. — М., 2003). Не менее живой отклик вызывали и вызывают статьи Ф. Моретти, собранные им в книге «Дальнее чтение» (2013, рус. пер. — М., 2016; см. ее обсуждение в: НЛО. 2018. № 150). «Всемирная литература» как исторически и культурно изменчивое понятие всесторонне рассмотрена Дж. Пайзером (*Pizer J. The Idea of World Literature. Baton Rouge: University of Louisiana Press, 2006*) и Ж. Давидом (*David J. Spectres de Goethe: Les métamorphoses de la «littérature mondiale»*. P.: Les prairies ordinaires, 2011). Должна быть здесь упомянута и трижды уже переизданная шеститомная учебная антология: Norton Anthology of World Literature / Ed. M. Puchner et al. 6 Vols. N.Y.: W.W. Norton & Co, 2001. Она наследовала — с существенным переосмыслением концепции в сторону глобальности — более ранней, выдержавшей за полвека восемь переизданий нортонской антологии (World Masterpieces: Literature of Western Culture / Ed. M. Mack. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1956) и на сегодняшний день являет собой пример впечатляющего коммерческого успеха.

- 6 Дэвид Дэмрош — выпускник Йеля, с 1980 г. преподавал в Колумбийском университете. Сфера его научных интересов — библистика, литературы Ближнего Востока и методология сравнительного литературоведения. С 2009 г. Дэмрош — профессор в Гарварде, где он возглавлял департамент сравнительной литературы (а в начале 2000-х избирался президентом Ассоциации сравнительной литературы США). Помимо рецензируемых изданий под общей редакцией Дэмроша вышли шеститомная антология мировой литературы (Longman Anthology of World Literature / Ed. David Damrosh. N.Y.: Longman, 2004) и сборник статей на ту же тему (The Routledge Companion to World Literature / Eds. D. Damrosh, Th. D'Haen, D. Kadir. L.: Routledge, 2012). В настоящее время он заканчивает книгу «Сравнивая литературы: что должен знать каждый компаративист» («Comparing the Literatures: What Every Comparatist Needs to Know») — о меняющемся балансе национального и глобального контекстов литературоведческой работы.

- 7 См.: <https://iwl.fas.harvard.edu>.

с реальной политикой и взаимообусловленность с методологической рефлексией, переосмыслением процессов производства и трансляции знания о литературе.

Обаяние мечты ярче всего проявляется в книгах, которые должны вдохновить студентов на освоение нового предмета. В них Дэрош объясняет, что «мировая литература», с его точки зрения, — это, во-первых, «квинтэссенция литературы современной» (I, 3), во-вторых, «все литературные произведения, находящиеся в обращении за пределами породившей их культуры» (I, 4), и, в-третьих, особый «способ <...> чтения текстов» (III, 210). Посредством производства (production), обращения (circulation) и перевода (translation) текст выходит во время-пространство литературы, представляющее собой «сеть отношений или, точнее, коммуникативную сеть, систему взаимообмена воздействиями, в которой участвуют и авторы, и читатели, и произведения». Именно такое определение литературы, данное мексиканским поэтом и эссеистом Октавио Пасом⁸, как нельзя лучше подходит для нужд новейшей компаративистики. Текст мыслится в движении, превращении, неравенстве себе и подобен, по Дэрошу, не кругу с одним средоточием (через которое он связан с культурой-«родительницей»), а эллипсу с подвижными, непрестанно «разъезжающимися» фокусами. Мировой, уточняет Дэрош, следует называть литературу, которая от подвижности выигрывает — наращивает, а не теряет смысл в языковом, культурном, медийном и иных видах перевода.

Ответив на вопрос «Что такое?», можно перейти к другому — «Как читать?» Книга «Как читать мировую литературу»⁹ открывается фразой одновременно патетичной и интригующей: «Распространяясь в прошлое на пять с лишним тысячелетий, а в настоящем охватывая почти все обитаемые пространства Земли, мировая литература предоставляет своим читателям несравненное многообразие литературных удовольствий и культурных опытов» (II, с. 1). Изучение мировой литературы, считает Дэрош, предполагает не столько многознание, сколько увлекательный интеллектуальный и эмоциональный опыт, способность «получать максимум (make the most) от произведений, в которых представлены далекие и от нас, и друг от друга времена и пространства» (с. 2). Чтобы войти в роль продвинутого, тактичного, самокритичного пользователя или потребителя глобальных культурных богатств, важно как минимум преодолеть в себе страх перед непомерностью и чуждостью материала. Автор книги сам подает пример, с уверенным изяществом осуществляя головокружительные переходы, сравнивая произведения разительно непохожие. Точкой входа (Ansatzpunkt, по Э. Ауэрбаху) служит тематическое, образное или сюжетное созвучие, или жанровая характеристика, или характеристика персонажа, или особенность стиля. Этого достаточно для начала — для построения метафоры-гипотезы, эвристическая ценность которой определяется искусством ее дальнейшей разработки¹⁰. Это искусство и демонстрируется — например, в первой главе книги, где сопоставляются образцы санскритской, древнекитайской и бри-

8 Paz O. A Literature of Convergences // Paz O. Convergences: Essays on Art and Literature. San Diego: Harcourt, 1987. P. 218.

9 Она вышла в серии учебных пособий, вводящих в разные поля знаний, но путем общения не столько фундаментальных знаний, сколько специфических аналитических навыков, поэтому все названия начинаются со слова «как»: «Как изучать теорию», «Как читать шекспировскую пьесу», «Как читать викторианский роман» и т.д.

10 Развернутое обоснование этого метода предлагает М. Детьен в статье «Конструирование сравнимости» (IV, с. 99—113): убедительное межкультурное сравнение, настаивает он, может быть выстроено и в ситуации отсутствия сходства между явлениями. Конструируя сравнимость далеких явлений, мы тем самым дистанцируемся от собственной, «естественной» позиции и размыкаем, открываем сопоставлению чуждые друг другу ценностные комплексы.

танской романтической лирики, или во второй, где рассмотрены «Эпос о Гильгамеше», «Одиссея» Гомера и «Улисс» Джойса, или в третьей, где «Сакунтала» Калидасы сравнивается с «Царем Эдипом» Софокла, а «Мещанин во дворянстве» Мольера — с «Самоубийством влюбленных на острове Небесных Сетей» японского классика Тикамацу Мондзаэмона. Обнаружение сходств стимулирует к выявлению различий и наоборот: так, мотив зависимости от рока — общий у Софокла и Калидасы, но у Софокла он связан с расследованием тайны преступления и проклятия и разворачивается скорее как интеллектуальная драма, а в «Сакунтале» — скорее как драма чувств. Роман Джойса, структурированный действием «Одиссеи», становится поводом для «медиологического» размышления: мы замечаем, по контрасту, как органично древний эпос вбирает в себя структуры устной речи и как прочно роман укоренен в мире письменно-печатного слова. Побочные линии сравнительного анализа могут ветвиться самым непредсказуемым образом: от царя Эдипа возможен ход к Эдипе Маас из романа Томаса Пинчона «Номер 49 на аукционе», а от самоубийства японских любовников Дзихея и Кохару — к сюжетной развязке в «Госпоже Бовари» или в «Анне Карениной». Наиболее востребованной при работе с всемирной литературой оказывается тематика, связанная с перемещением героя в пространстве, будь то паломничество, изгнание, колонизация, миграция или туризм. Гильгамеш, Одиссей или Марко Поло (исторический или из романа Итало Кальвино) соприкасается с чужим, и в этом всегда проблематичном контакте участвуют косвенно автор и читатель текста, что открывает почти безграничные возможности для аналитического «бриколажа»¹¹.

В последней главе книги — она называется «Выход в глобальное» — акцент переносится с мотивно-тематического анализа на устройство литературы как глобального культурного института. Его подчиненность экономическим механизмам сообщает многим литературным процессам и продуктам единообразие: «От Нью-Йорка до Пекина — через Москву и Владивосток — вам доступна одна и та же дешевая жвачка, пищевая, телевизионная или романная — если не социалистический реализм, так реализм рыночный» (IV, с. 107). Приведя эти слова британско-пакистанского писателя Али Тарика, Дэрош отмечает, что риски такого рода несет в себе не только глобальный, но и национальный литературный рынок, зато первый может открывать представителям периферийных литератур неожиданные возможности. Пример тому — головокружительный успех «Хазарского словаря» Милорада Павича: права на первый роман никому не известного сербского поэта были куплены сразу несколькими издателями, и он был опубликован в 1988 г. почти одновременно на французском, английском, немецком, итальянском и шведском языках. Затем к этому набору прибавились переводы более чем на десяток других языков и читательская аудитория Павича количественно превзошла все взрослое население его родной Сербии. Конечно, успех книги объясним не только талантом автора. Появился та же книга на рынке десятилетием раньше, об эффективном выходе в пространство всемирности не было бы речи, но случилось так, что мода «на Восточную Европу» удачно совпала (в конце 1980-х) с модой на «магический реализм»: предъявив публике «второго Маркеса» в лице Салмана Рушди, критики искали «второго Рушди». И нашли.

Впрочем, даже счастливое попадание «в тренд» не гарантирует книге устойчивого внимания: рынок капризен. Писатель в нем, с одной стороны, на зависть

11 «Один из самых увлекательных аспектов всемирной литературы связан с тем, что она и позволяет, и делает необходимым *бриколаж*, поскольку тексты работают на разные цели, циркулируя в разных системах», — пишет Александр Биркрофт в статье «Мировая литература без дефиса: к типологии литературных систем» (IV, с. 188).

свободен — волен «импортировать» новые техники письма, осваивать непривычные темы, обращаться к далекой и неожиданно широкой аудитории. С другой стороны, давлением рыночного спроса он понуждает порой следовать моделям откровенно химерическим: например, представлениям иностранцев о том, каким должен быть «настоящий» индийский, чешский или турецкий роман. Осознанно «межкультурная» позиция таких художников, как Харуки Мураками, Орхан Памук или Кристин Брук-Роуз, подразумевает соединение «неповторимо местного» стиля с усредненной, интернационально-городской, космополитической стилистикой — в чем она одновременно и выигрышна, и уязвима. Читатель, со своей стороны, получает, заодно с «бесконечностью вызовов и удовольствий» («endless challenge and pleasure» (I, с. 124)), специфический опыт, который можно описать как «чувство мира»: освобождение от страха перед непомерной сложностью и от слепящих ксенофобских комплексов, раскованность, незашоренность воображения.

Но обратимся теперь к сборникам статей, в которых проблематика мировой литературы обсуждается работающими в этом поле педагогами и исследователями. Здесь тональность куда более разнообразна. Отдать должное почти восьми десяткам статей не представляется возможным, поэтому сосредоточимся на двух уже обозначенных выше общих темах, связанных с политической и эпистемологической подоплекой проекта.

Обсуждение чего бы то ни было «всемирного», включая литературу, заведомо ставит лицом к лицу с проблематикой власти, неравенства возможностей, неравновесности центра и периферии. Встает вопрос: «Где находится центр и с какой позиции “мир” открывается наблюдению и интерпретации?» — как в политическом, так и в этическом измерении. «Местные» иерархии рушатся, но и новые формы неравенства формируются «на глазах». В статье «Литература как мир» (IV, с. 192—208) П. Казанова предлагает сосредоточиться на понятии «мировое литературное пространство»: оно образуется отношениями и связями, «силовыми линиями», спорами, конфликтами и борениями самого разного рода, которые трансформируются и преломляются в соответствии с логикой литературных форм. Это пространство не существовало «всегда и везде»; с точки зрения Казановой, оно возникло в Европе не раньше XVI в. (прежде всего — во Франции и в Англии) и уже отсюда распространялось вширь. Процесс «обмирщения» литературы, развивающийся в истории и определяющий ее (литературы) место в контексте современности, предстает как важнейший предмет исследования. Сходную мысль развивает Дж. Кадир в статье «Глобализировать как глагол: перекресток мировой литературы» (IV, с. 264—270): он замечает, что английское слово «world» может быть и существительным, и прилагательным, может означать также и действие. Природа этого действия — «обмирщения» («worlding») — зависит от того, кто, как и с какой позиции его осуществляет.

Ф. Моретти выражает надежду на то, что в отношениях форм (импортируемых из европейского центра) и содержания (местного, поставляемого глобальной периферией) по ходу их исследования должна открыться некоторая законосообразность, и в будущем возможно будет говорить о сравнительной морфологии, например, романа (IV, с. 164). Следует сделать ставку на «формализм, но без пристального чтения», стремиться к широте обобщения, не утрачивая вкуса к стиливой детали.

Сомневающимся в продуктивности предлагаемой ориентации на абстрактные, квазиобъективные модели по образцу социальных и естественных наук немало. Так, А. Биркрофт развивает скептический взгляд на концепции Казановой и Моретти: прямые проекции «всемирно-исторических» схем (по К. Марксу ли, по Ф. Броделю или И. Валлерстайну) в сферу «художественно-словесного производства» (IV, с. 189) не обеспечивают лучшего понимания отношений между литературной системой и культурной средой. «Пристального» («close») чтения, безусловно, никто

не отменял, и большинство ученых, интересующихся возможностями чтения «дальнего» («distant»), видят в нем не столько спасительное решение проблем, сколько шанс уйти от «еврохронологии» (IV, с. 350) и «усталых» типологий. Опасливость в отношении культурных потерь, которыми чревато расставание с такими привычными категориями, как «эпос», «классицизм», «Возрождение», «реализм», «авангард», «постмодерн», тоже имеется, но почему бы, в самом деле, не описать наш предмет заново — в свете «планетарной» картографии, альтернативных видов темпоральности (см. об этом, например, статью Дж. Прессман «Стратегии цифрового модернизма» (IV, с. 493—512))? Не исключено, что в ходе ревизии глобальных ресурсов обнаружатся новые источники теоретического знания — там, где никто не думал раньше искать их (об этом — статья Р. Кришнасвами «К множественности мирового литературного знания: теория в век глобализации» (IV, с. 154—158)).

О чем никак нельзя забывать, так это о разнице между новым теоретическим видением и политическим заклинанием. Напоминает об этом дискуссия вокруг спорного воззвания «За литературу мира на французском языке» (2007), также известного как «Манифест 44-х» (IV, с. 271—275). В нем прозаик Мишель Ле Брис объявляет — в порядке «коперниканской революции»! — о прекращении использования термина «франкофония» для обозначения провинциальной второсортности письма. Ее место должна занять «всемирная литература на французском языке», порвавшая со «склеротическими моделями», восходящими к классике колониальной эпохи, питаемая энергиями живой современности и популярных жанров. Критически разбирая этот манифест, Ф. Лионне замечает, что свобода от центра прокламируется опять-таки из центра — из Парижа, воспринимающего себя и воспринимаемого как норма и стандарт цивилизованности. Сама Лионне предлагает сохранить понятие «франкофония», но использовать его шире и во множественном числе — как обозначение «территорий, на которых становится возможна эффективная коммуникация между агентами, не располагающими изначально общим набором смыслов и толкований» (IV, 308). Такое решение, впрочем, тоже спорно.

Дальнейший теоретический поиск, ведущий к нюансировке расхожих схем, безусловно необходим¹². В то же время необходимы конкретные, даже и без особой оглядки на теоретические конструкции, эмпирические исследования. Примером последних служит статья Ж. Шапиро «Глобализация и культурное разнообразие книжного рынка» (IV, с. 209—233). С опорой на обширные количественные данные в ней сравниваются политики литературного перевода в США и во Франции. Становится очевидно, что глобализация книжного рынка (как и в целом рынка символических товаров) во второй половине, а особенно в последней трети XX столе-

12 Примером может служить Варвикский проект исследования мировой литературы, осуществляемый в Варвикском университете с 2007 г. и, кстати, в рецензируемых изданиях не упомянутый. В качестве опорной в нем принята идея неравномерного и комбинированного развития, продвигавшаяся в свое время Троцким: в отношении центра и периферии вводится еще дополнительное понятие полупериферии. Способность диагностировать это сложное промежуточное состояние — в том числе в литературных культурах «Запада» — делает возможными более тонкие о них суждения. В частности, несостоятельной оказывается оппозиция реализма (как искусства традиционного) и модернизма (как искусства, самозванно отождествившего себя с модерностью). Гибридное понятие «критический ирреализм» используется для обозначения форм, возникающих в переходных фазах развития «полупериферийных» культур, к которым относится, в частности, и Россия. Для них характерно особенно острое переживание драмы и травмы модернизации, что нередко приводит к «реактивации» архаических элементов. См.: Combined and Uneven Development: Towards a New Theory of World-Literature. The Warwick Research Collective. Liverpool: Liverpool University Press, 2015.

тия привела к резкому росту объемов переводной литературы и к снижению ее разнообразия. Во-первых, публикуются по преимуществу переводы с английского, во-вторых, масштабные коммерческие издательские проекты все больше тяготеют к предсказуемости, и это лишь отчасти компенсируется некоторым расширением спектра малотиражных (как правило, поддерживаемых государством) переводных публикаций.

В целом в сборнике «Мировая литература в теории» явно ощущается разочарование в объясняющей силе теорий, характерное для нынешнего состояния гуманитарной науки, — скорее убеждение от сильных концепций, чем стремление к ним. Сложившаяся альтернатива предполагает выбор между жесткой схемой и безбрежностью фактологии, но ни та, ни другая не приводят к успеху. Тупикивость «туманно-сентиментальной космополитичности» (так выражался еще в 1940-х гг. Р. Уэллек) и неподъемность разбухающих списков для чтения были очевидны с самого начала. Читать *больше* невозможно — нужно читать *иначе*, т.е. необходимы настоящие методологические новации, новые режимы критического чтения. Важны не количество и объем текстов, а переходы и связи, точнее новые типы связей, не ограниченные теми, что исследовались давно и традиционно (контактные и бесконтактные влияния).

Здесь, однако, мы сталкиваемся уже не с геополитической проблемой, а с политикой в академическом измерении: с болезненным выяснением отношений между «сравнительной литературой», почтенной и давно состоявшейся в США университетской дисциплиной, и «всемирной литературой» — ее потенциальной, притом довольно задиристой приемницей.

У «нормальных» компаративистов гаргантюанская широта охвата, на который претендуют «всемирники», вызывает ассоциации с булимией, нервным перееданием. В самом деле, не прячется ли за безбрежным плюрализмом и экуменизмом всего лишь болезненная робость, готовность уступить давлению университетских администраций, все больше экономящих на преподавании национальных литератур и языков? Не маячит ли в перспективе большой неолиберальный шатер, где будет преподаваться сразу все обо всем и на одном языке (в переводе), этакая «гуманитаристика лайт», как иронически замечает Э. Аптер в статье «Против всемирной литературы (IV, 347–348).

Работа с переводными текстами воспринимается как предательство профессиональных стандартов, что понятно: как можно рассуждать о текстах, не чувствуя языковой материи? На эти упреки Дэрош отвечает, что даже наше чувство родного языка всегда относительно, тем более компетентность в языке иностранном, и значение *проблематики перевода* только сейчас начинает осознаваться гуманитариями в полной мере. Перевод не только стал повседневной необходимостью, он осознается как «языковая технология, взаимосвязанная с развитием теории медиа» («language technology for media theory» (IV, с. 348)) и даже как универсальная метафора познания. Проект всемирной литературы предполагает исследовательское погружение в языковую относительность и культурную субъективность, и потому «перевод и непереводаемость как раз и конституируют всемирные формы литературного» (IV, с. 354). Об этом пишут известные теоретики перевода — С. Баснет (см. его статью «От культурного поворота к переводческому» в: IV, с. 234–245) и Л. Вентути; с точки зрения последнего, чтение в переводе предполагает не отвлечение от пристального чтения, а его обновленную стратегию (III, с. 95)¹³.

13 Эту стратегию удачно демонстрирует сам Дэрош, анализируя разные версии перевода сказок «Тысячи и одной ночи» на европейские языки в XVIII–XX вв. (см.: II, глава «Чтение в переводе» (с. 65–85)).

Из смены теоретической оптики происходит, кстати, и сдвиг в методиках преподавания, заключающихся во все более последовательной ориентации на принципы эгалитаризма и сотрудничества. Студенты в аудитории могут владеть суахили или ивритом, корейским или украинским языком лучше, чем их преподаватель, располагая и соответствующими (как правило, не отрефлексированными) культурными навыками; поэтому важно рассматривать класс как незамкнутое пространство совместного поиска, выбора, активного взаимного обмена. И в этой оптимистической установке, впрочем, тоже нетрудно заподозрить подвох и «дешевый популизм»...

Одним из самых симпатичных свойств стратегии Дэмроша представляется поэтому готовность сочетать энтузиазм с иронической самокритичностью. В ходе публичных дебатов с Г. Спивак (на ежегодной конференции Американской ассоциации сравнительной литературы в Ванкувере в апреле 2011 г.) он признал, что с изучением всемирной литературы есть только три «небольшие» взаимосвязанные проблемы: опасность отрыва от культурных корней, сомнительная научность и возможность «филологического банкротства», а также риск невольного идеологического партнерства с глобальным капитализмом (IV, с. 365).

Первая из упомянутых опасностей даже и в исторически «бескорневой» Америке составляет проблему и предмет постоянных борений между радикальным и консервативным «лагерями» в академической среде. Хорошо помню скандал, случившийся в 1998 г., когда Дж. Рэдуэй¹⁴, став президентом американской Ассоциации американистов, предложила переименовать ее в Международную ассоциацию по изучению Соединенных Штатов, или в Ассоциацию интерамериканских исследований, или даже в Общество межкультурных исследований. Переименования не случилось, конечно, но поиск более адекватного «моменту» способа культурной самоидентификации продолжился. Продолжились и попытки «переоткрыть», «переописать» национальную литературу не как суверенное целое или «контейнер» с четко очерченным краем, а как разноплеменно-пестрое многоголосие, сеть отношений, простирающуюся внутрь и вовне с одинаковой свободой¹⁵.

Вторая из обозначенных опасностей не менее реальна (впрочем, где опасность, там ведь и возможность). Исследование всемирной литературы, настаивает В. Куппан (в статье «Этика мировой литературы: читать других, читать иначе»), это прежде всего эпистемологическая проблема. Предметом поиска являются «способ познания и модус чтения, которые с регулярностью помещали бы читателя в обезкураживающее состояние, изнутри которого чужой текст кажется по крайней мере частично знакомым, а знакомый, канонический текст оказывается по крайней мере частично чужим» (IV, с. 210). К. Эрхардт также говорит о выходе в другое, чужое пространство как об эпистемологическом вызове и этическом императиве. Свое размышление над фразой Блаженного Августина (см. эпиграф к обзору) он заключает так: «...это верно, что о местах, нам не известных, — чему соответствует у него Александрия, мы не умеем думать так же, как думаем о местах, хорошо нам знакомых и мысленно обитаемых, — чему соответствует у него Карфаген; однако

14 Автор известной кн.: *Radway J.A. Reading the Romance*. Chapel Hill; L.: The University of North Carolina Press, 1984 (рус. пер.: *Рэдуэй Дж.А. Читая любовные романы*. М., 2004).

15 В недавнем сборнике статей об американской литературе была предпринята попытка опрокинуть внутрь ее всю мировую «периферию»; в результате литература США открывается наблюдению как удивительный ландшафт, где обнаруживаются следы культур Западной Африки и Восточной Европы, Ирана, Ирака, Индии, Китая, Мексики, Австралии. См.: *Shades of the Planet: American Literature as World Literature* / Eds. W.Ch. Dimock, L. Buell. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007.

вариант с недуманием о наших Александриях сегодня для нас уже более неприемлем с этической точки зрения» (III, с. 175). В рамках штудий всемирной литературы воспитываются ученые, готовые выступать в роли агентов культурных перемен, а для этого важно и владеть традиционными компетенциями, и уметь от них отречься, уметь заново ставить общие и заведомо безответные вопросы: что такое литература? Метафора? Стиль? Перевод? Политика? Письмо? В этом смысле переучивание преподавательского корпуса многими участниками дискуссии воспринимается как насущная задача и проблема. О. Кеншур в статье «Привычки ума: литература встречается с миром» пишет, что, «парадоксальным образом, именно те люди, которые в силу наличия языковых и кросскультурных компетенций более всего подготовлены для преподавания курсов всемирной литературы», более других склонны сопротивляться этому, и «мешают им те самые дисциплинарные протоколы, что придают языковым и кросскультурным компетенциям высокую ценность» (III, с. 114). Боязнь дилетантизма препятствует назревшему обновлению знания, стремление к научности ведет к реификации предмета (литературы).

Реальна и третья из названных Дэврошем опасностей: невольный альянс гуманитариев (привыкших гордиться критичностью своей мысли) с безличными силами рынка. Штудии мировой литературы нетрудно представить в пародийном ключе — как празднично-досуговое разнообразие в стиле Диснейленда. География всемирной литературы по сути воспроизводит карту глобальных рынков: сырье, вывозимое из регионов «третьего мира», перерабатывается для продажи населению «первого»; ценность литературы как товара повышается по ходу множественных транзакций, в которых участвуют писатели и переводчики, ученые и издатели, администраторы и студенты. Понимаем ли мы, что происходит с нами, или только делаем вид, что понимаем, едва успевая «зеркалить» ситуацию, приспосабливаясь к ней?

Мотивации к разработке проекта мировой литературы, как правило, благородны, но сам процесс непредсказуем, как, соответственно, и его результаты. Дж. Пайзер в статье «Рождение Weltliteratur: Гёте и романтическая школа» (IV, 22–34) напоминает, что фоном, на котором рождалась гётевская мечта, была Европа, уставшая от войн, социальных склок и революций, тоскующая о мирном диалоге, — в чем немецкие интеллектуалы поторопились увидеть уникальный шанс для Германии: ее слабость (раздробленность) в сложившихся обстоятельствах могла обернуться силой. Разве не склоняется немецкий дух естественно к контактности и универсализму? Разве не готов возвыситься от субнационального состояния непосредственно до транснационального? Разве не немецкому языку суждено стать языком общения для всех цивилизованных наций?.. Параллелизм ситуаций, тогдашней и нынешней, замечает не только Пайзер. Даже Гёте, как бы отвечает Пайзеру Дж. Кадир, не мог знать, что впереди лежит «век национализмов», который увенчается мировой войной. Так и в нашей сегодняшней ситуации полно неизвестных: «Из манихейского мирового состязания длиной в полвека мы выпали прямоухонько в мировую сеть, паутину глобальных диспропорций и политико-экономических асимметрий», и главный вопрос для компаративистов, вовлеченных в дискурс о всемирной литературе, «состоит в том, какой же является и какой может быть наша роль в этом процессе» (IV, с. 269–270).

Один из вопросов, занимавших меня при чтении четырех рецензируемых книг: где же в этой картине славистика? И где в ней бывший «второй мир», утонувшая Атлантида? Складывается впечатление, что Восточная Европа и Россия не подают признаков научной жизни и не играют никакой роли в «общезападном» проекте. Может быть, он предполагает лишь ограниченные формы научной кооперации? Этот вопрос можно обратить к составителю сборников, что я и сделала. С точкой

зрения Дэвида Дэброша на тенденции развития американского «всемирно-литературного» проекта, на его контакты и проблемы с контактностью можно ознакомиться ниже. Но вопрос о готовности и расположенности российской стороны к сотрудничеству можно, конечно, обратить и к нам самим. Много ли (не обзорных, а самостоятельных) работ на означенные темы написано по-русски за последние двадцать лет? Много ли курсов «глобальной» направленности преподается на факультетах российских университетов (традиционные курсы по «зарубежке», базирующиеся почти исключительно на европейском материале, не в счет, к тому же ведь и они год от года сокращаются)? Предпринимаются ли и если да, то насколько последовательно, усилия по методологической рефлексии в этой области (здесь, разумеется, вопрос о количестве вообще не встает, зато очень актуален вопрос о качестве мысли и уровне дискуссий)? Век мировой литературы, безусловно, не дальше от нас, чем двести лет назад. Но ближе ли? Трудно сказать. И трудно не согласиться с суждениями Франко Моретти, много размышлявшего об интересующем нас сюжете. С тем, во-первых, что «наш способ воображать сравнительную литературу есть зеркальное отражение нашего видения мира» (IV, с. 176), и с тем, во-вторых, что «без коллективного усилия мировая литература останется не более чем миражом» (IV, с. 208). Мираж и мечта, вдохновляющая к действию, похожи — но не одно и то же. Усилий, в том числе коллективных, стоит только вторая.

Приложение

Дэвид Дэброш

Новые направления в изучении всемирной литературы

(ОТВЕТ ТАТЬЯНЕ ВЕНЕДИКТОВОЙ)

Исследование всемирной литературы сегодня соединяет в себе элементы гуманистической мечты и политической критики — это совершенно верно отмечено в обзоре профессора Венедиктовой. Многие исследователи и университетские преподаватели, работающие в этой области, хотели бы использовать новые возможности, которые открывает глобализация, не становясь при этом заложниками американоцентричной империи английского языка и неолиберальной мировой экономики. Основной целью Института мировой литературы с самого начала было объединение преподавателей и студентов западных и незападных университетов, стремящихся добиться в литературных исследованиях по-настоящему всемирного охвата. За первые восемь лет существования нам удалось привлечь к участию в проекте в два раза больше университетов, чем я надеялся изначально, и охватить программы подготовки почти тысячу аспирантов и молодых преподавателей.

В наших первых сессиях участвовали представители трех десятков стран, и английский был принят в качестве языка общения и взаимодействия. Перед конференцией в Гонконге в 2014 г. я поинтересовался у представителя принимающей

стороны Чжана Лунси (Zhang Longxi), не стоит ли, учитывая значительное число участников из Китая, провести некоторые заседания на китайском языке, однако он отверг эту идею, не желая ставить китайских докладчиков в особое положение. Английский язык остается для нас и бесценным средством общения, и ограничением, поскольку участие в работе невозможно без свободного владения им. Но мы проводим также семинары по теории перевода и стремимся опираться в исследованиях и в дискуссиях не только на языки традиционных литературных «сверхдержав», но и на языки менее распространенные.

«Мир-система», как ее анализирует Иммануил Валлерстайн, отличается «единством, но также и неравенством», по выражению Франко Моретти, и именно неравенство обнаруживается в современных литературных исследованиях на всех уровнях. Многие из литератур мира — от норвежской до индонезийской — почти не фигурируют в этих дискуссиях, и, пытаясь развивать контакты и связи института, мы сталкиваемся со значительными трудностями. Из всей Латинской Америки у нас представлена только Бразилия, Африка же не представлена вообще; отчасти это обусловлено экономическими причинами, отчасти — унаследованной от колониальных времен сосредоточенностью большинства африканских ученых на местной или региональной традиции, на ее отношениях с бывшим имперским центром. Сегодня мы лишь подступаем к внедрению глобального подхода в изучение литературы и всячески приветствовали бы участие российских коллег в нашей работе, в том числе сотрудничество с журналом «*Journal of World Literature*», который уже третий год выходит в международном академическом издательстве «Brill».

Разумеется, многие русские писатели со времен Пушкина высоко ценили зарубежную литературу, и многие из них приобрели мировое влияние. В исследованиях всемирной литературы часто фигурируют русские и славянские писатели, достаточно сослаться на такие недавние американские публикации, как «Транснациональный Толстой: между Западом и миром» Джона Бёрта Фостера¹⁶ или «Обыкновенная странность» новозеландца Джейкоба Эдмонда¹⁷, который исследует современную русскую, китайскую и американскую экспериментальную поэзию. Недавняя книга Варвикской исследовательской группы «Комбинированное и неравномерное развитие: к новой теории всемирной литературы» (2015)¹⁸ соединяет теорию с конкретным литературным анализом, рассматривая критическое освещение глобализационных процессов в современном романе сквозь призму идеи Троцкого. В число семи романистов, охваченных этим исследованием, вошли русский — Виктор Пелевин и словак — Петер Пиштянек. Правда, при всем своем решительном антиимперском настрое Варвикская группа не склонна проблематизировать властные претензии глобального английского. Романы, написанные на русском, словацком, а также арабском и испанском языках, обсуждаются в этом сообществе исключительно в английских переводах. Среди участников группы никто не владеет славянскими языками, и их знакомство с критической литературой опять-таки ограничено англоязычными публикациями, что является серьезным ограничивающим фактором, — например, в случае с тем же Пелевиным, о котором написано много, но в основном по-русски. Исследования сравнительной и всемирной литературы должны опираться на работу с оригинальными текстами и с критикой на языке оригинала, при том что переводы и опосредующая роль английского важны для расширения контактов между разными традициями.

16 Foster J.B. *Transnational Tolstoy: Between the West and the World*. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2015.

17 Edmond J. *A Common Strangeness*. N.Y.: Fordham University Press, 2012.

18 См. примеч. 12.

ИМЛИ им. Горького сыграл важнейшую роль в развитии исследований всемирной литературы, и то же можно сказать о вкладе восточноевропейских ученых в концептуализацию «общей», или «универсальной», литературной истории, которая во многом пересекается с тем, что мы сегодня называем всемирной литературой. Словацкий компаративист Дионис Дюришин опубликовал яркую книгу «Что такое всемирная литература?» еще в 1992 г., опередив возрождение этого направления работы в США¹⁹. В работе нашего института в настоящее время активно участвуют три восточноевропейских университета: Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Бухарестский университет и Белградский университет, который станет местом проведения нашей летней сессии 2020 г.

Как бы ни был полезен английский в качестве общего языка при проведении подобных международных научных мероприятий, нельзя не отметить растущее число публикаций о всемирной литературе на других языках. В качестве примера можно привести работу Юрия Талвета из Тартуского университета — переводчика с испанского и английского и редактора компаративистского журнала «Interlitera-gia». В Польше издаются уже два журнала, посвященных всемирной литературе, а на другом конце света, в Южной Корее, недавно начал выходить журнал «Chigu-jök segye munhak» («Глобальная мировая литература»), редактируемый профессором Кимом Джэёном (Kim Jae-yong) из университета Вонгван. Подъем национализма и этнического сепаратизма в современном мире делает гуманистическую мечту о свободном межкультурном обмене как никогда актуальной, и она находит себе все новые воплощения — от текстов, печатных и электронных, до встреч лицом к лицу на самых разных площадках, число которых в мире быстро растет.

Пер. с англ. и примеч. Т. Венедиктовой

19 См.: *Đurišin D. Čo je svetová literatúra?* Bratislava: Obzor, 1992.